

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

ЖИЗНЬ
В НАДЕЖНЫХ
РУКАХ

МОЙ РЕАНИМАТОЛОГ

ЧИСТАЯ КРОВЬ

Таня Белкова

Мой реаниматолог. Чистая кровь

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой реаниматолог. Чистая кровь / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала на химкомбинат доказать, что он травит людей. А оказалась в реанимации — сама отравленная, с кейсом собственной разработки и чужой жизнью на руках. Платон Северьянов, суровый реаниматолог и токсиколог, не привык уступать ни смерти, ни тем, кто считает себя хозяевами города. Он спасает меня, а я помогаю ему бороться за пострадавших рабочих. За дверями отделения требуют отдать пробы и замолчать. Внутри мы делим бессонные ночи, горячую пищу и прикосновения, от которых страшнее, чем от угроз. Я привыкла полагаться только на себя. Но этот мужчина готов встать между мной и целым концерном. Только хватит ли нам времени защитить пациентов, сохранить правду — и не потерять друг друга?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Свет

Мой реаниматолог. Чистая кровь

Мой реаниматолог. Чистая кровь

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава 1

Вечер над промзоной химкомбината «Северный азот» пах сырой глиной, ржавым железом и едкой, приторной кислинкой, от которой на языке мгновенно оседал металлический налет. Солнце, багровое и тяжелое, садилось за глухой бетонный забор цеха номер четыре, разрезая технологическую дорогу длинными косыми тенями. В трех шагах за моей спиной глухо и привычно урчал на холостых оборотах служебный уазик.

Я опустила на колено перед раскладным штативом аспиратора, проверяя калибровку кварцевых сорбционных трубок. Пальцы в тонких нитриловых перчатках подрагивали от вечерней сырости и изнуряющей усталости: двенадцать часов непрерывных замеров, циничные отписки заводского руководства и липкое предчувствие беды, сгущавшееся над территорией последние трое суток. У моих ног стоял опломбированный титановый кейс с лазерной гравировкой: «Сорб-Тема. Опытная партия №3. Институт биоорганической химии». Три картриджа. Три поликарбонатных цилиндра с мезопористым активированным углеродом — итог пяти лет моей жизни, бессонных ночей у ультрацентрифуг и сотен сложнейших расчетов. Мое детище. Моя единственная надежда.

Глухой, утробный хлопок разорвал вечерний воздух внезапно, словно где-то в глубине заводских корпусов лопнул гигантский паровой котел. Бетон под моими коленями ощутимо дрогнул.

Я вскинула голову. На высоте третьего этажа реакторного блока из фланцевого соединения вырвалась свистящая, бешеная струя бурого газа. Она не поднималась в небо: тяжелый, маслянистый аэрозоль клубился плотным, удушливым туманом, лавиной сползая по металлоконструкциям прямо к моему посту.

— Аварийный выброс! — вырвалось у меня вслух.

Инстинкт инспектора сработал мгновенно: защелкнуть штатив с контрольными трубками, упаковать пробоотборники. Я рванула замки титанового кейса, забивая ампулы внутрь, и одним движением натянула панорамную маску респиратора РПГ-67, затягивая резиновые ремни на затылке. Резина впилась в кожу, клапан привычно щелкнул на первом вдохе.

Но уже через секунду ядовитый бурый пар накрыл меня с головой. Вокруг померк свет, видимость упала до полуметра. И тут же раздался тонкий, сухой треск: агрессивный фтористый агент за секунду развел силиконовый лепесток клапана выдоха. Воздух с омерзительным привкусом горелого сахара и жгучего фтора прорвался под маску, ледяным пламенем полоснув по носоглотке.

Завыла заводская сирена — истошно, надрывно, захлебываясь в низких частотах. Сквозь клубы тумана я увидела, как двое охранников в армейских противогазах выскочили на бетонную площадку второй проходной и с грохотом захлопнули тяжелые стальные створки ворот, запорев их на ригели изнутри. Они спасали себя, отрезая цех от мира.

А прямо перед воротами, на мокром щебне, бился в судорогах человек.

Серая роба старшего аппаратчика, испачканная графитовой смазкой. Дядя Миша — коренастый, седой бригадир, который всего два часа назад тайком выносил мне за периметр кружку горячего чая и предупреждал: «*Не лезь ты к ним, дочка, у Ветлугина все куплено...*». Сейчас он скреб скрюченными пальцами бетон, сдирая ногти в кровь. Изо рта толчками шла густая белая пена, лицо стремительно наливалось синевой, а пульс на сонной артерии срывался в бешеном, нитевидном галопе.

— Дядя Миша! — закричала я, срывая с лица поврежденный респиратор.

Метнувшись к открытому багажнику уазика, я выхватила двухлитровый баллон экстренного кислорода и упала на колени рядом с бригадиром. Наглухо прижав силиконовую маску к его синееющим губам, я выкрутила вентиль редуктора на десять литров в минуту. Мужчина

захрипел, жадно втягивая чистый газ. Обхватив его под мышки, сдирая кожу на локтях и напрягая все жилы, я поволокла грузного, стокилограммового рабочего по земле к машине. Затащив его на заднее сиденье и захлопнув дверцу, я не удержалась и сделала глубокий, невольный вдох.

Воздух промзоны обжег бронхи. Мои обонятельные рецепторы мгновенно выхватили этот страшный букет: приторно-миндальная сладость, удушливая гарь и ледяной укол фтора. Биохимическая память сработала быстрее рассудка: «Фосфорокс-7»! Форметилфосфонатный олигомер, экспериментальный промышленный яд необратимого действия. В легких вспыхнул пожар, перед глазами поплыли радужные круги, а трахею сдавило железным обручем токсического спазма.

Кейс с наносорбентом стоял в ногах пассажирского сиденья. Я запрыгнула за руль, повернула ключ зажигания — старый мотор взревел.

В зеркале заднего вида дядя Миша хрипел, заваливаясь набок. Впереди, в ста метрах, медленно опускалась полосатая балка тяжелого шлагбаума главного КПП. Двое чоповцев комбината в бронежилетах выбежали наперерез, вскидывая резиновые дубинки. Они получили команду блокировать периметр любой ценой, чтобы скрыть масштабы катастрофы.

У меня оставалось от силы пятнадцать минут до того, как яд полностью парализует дыхательный центр.

— Не выйдет, — прошептала я сквозь зубы.

Сжав челюсти так, что хрустнула эмаль, я вогнала вторую передачу и вдавила педаль газа в пол. Уазик взвыл и рванул вперед. Охранники в последний миг шарахнулись в стороны, бросаясь в грязь. Стальной трубчатый бампер на полной скорости впечатался в чугунную тумбу поворотного механизма.

Удар, оглушительный скрежет металла, сноп брызнувших искр — и сорванная балка отлетела в придорожный кювет. Машина вылетела на загородное шоссе.

И в эту секунду токсин нанес свой первый системный удар.

Пальцы на баранке свело тонической судорогой — они одеревенели, побелели и превратились в неподвижные когти. Зрение сжалось: периферическое поле исчезло, превратившись в узкий черный туннель размером с монету. В горле встал каменный ком, гортань сомкнулась, лишая меня возможности сделать даже глоток слюны. Слюна пеной пузырилась на губах. Нога на педали потеряла чувствительность. Я вела машину вслепую, по памяти, удерживая фары на разделительной полосе, пока за спиной дядя Миша отчаянно колотил ногами в перегородку салона.

Через двенадцать бесконечных минут впереди взметнулись стеклянные корпуса НИИ скорой помощи.

Бетонный пандус приемного покоя уходил вверх. На спидометре было шестьдесят. Стеклянные раздвижные двери шлюза были наглухо заперты: над ними горел красный фонарь санитарного режима. Двое охранников пятились, видя несущийся по мокрому асфальту разбитый фургон.

Тормоза не отвечали одеревеневшей ступне. Собрав последние крохи угасающего сознания, я навалилась всем корпусом на руль, выворачивая его вправо, и боком впечатала уазик в массивный стальной отбойник пандуса, одновременно прижимаясь подбородком к кнопке клаксона.

Лязг, визг сминаемого крыла — и машина замерла в полуметре от стекла. Клаксон ревел на одной протяжной, бешеной ноте. На моем запястье надрывно запищал портативный дозиметр-спектрометр: красные цифры мигали, фиксируя запредельные 4,2 мг/л фосфонатов в салоне.

Дверь машины снаружи рванули с силой. Санитары в брезентовых фартуках заглянули внутрь и в ужас отпрянули:

— Химическая тревога! Здесь боевая органика!

Они поволокли хрипящего дядю Мишу наружу, а меня и тяжелый титановый кейс санитар с перекошенным лицом отшвырнул сапогом в сторону:

— Назад, зараженная! Не подходи к дверям!

Я выпала из кабины прямо на ледяной, мокрый кафель пандуса. Мир уходил из-под меня. Легкие словно залили жидким свинцом: диафрагма застыла. Воздуха не было. Черный туннель перед глазами затягивался абсолютной тьмой. Но я знала: если кейс останется на асфальте, дядя Миша погибнет через двадцать минут.

Преодолевая ледяную тяжесть паралича, я выбросила сведенную руку вперед и мертвой хваткой вцепилась в подол синего хирургического халата высокого, широкоплечего мужчины, выскочившего из шлюза без защитного костюма. Другой рукой я подтянула кейс и толкнула его вперед, прямо к его ботинкам.

Врач не отстранился. Не сделал даже шага назад.

Он мгновенно опустился на одно колено прямо в грязную пенную жижу на полу. Его широкие, сухие и невероятно горячие ладони легли на мои ледяные запястья, пальцы четко зафиксировали пульс.

Сквозь пену на губах я вытолкнула наружу последние, хриплые обрывки слов:

— Сорб-Тета... мезопоры... пятнадцать нанометров... не оксимумы... только не оксимумы...

Его лицо было прямо передо мной: резкие черты, упрямый подбородок и темные, пронзительные глаза, в которых мгновенно отразился диагноз. Он увидел мои точечные зрачки-иглы, профузный холодный пот и пепельно-синий оттенок губ.

— Фосфорорганический олигомер, — его низкий голос прорезал шум сирены. — Тотальная блокада холинэстеразы. Я держу тебя. Слышишь? Я тебя держу!

Подхватив меня под лопатки, он легко поднял мое обмякшее тело на каталку, ногой подцепив ручку кейса:

— В шлюз дезактивации! Быстро! Статус ноль!

Глава 2

Белые лампы потолка понеслись перед глазами безумной чередой. Мы летели по коридору. Рядом бежал он, на ходу срывая зубами упаковку воздуховода.

— Сатурация шестьдесят два! — кричала фельдшер сбоку. — Платон Андреевич, дыхания нет, ларингоспазм!

Платон попытался ввести трубку мне в рот, но челюсти сковал железный тризм. Мешок Амбу в его руках сопротивлялся, словно накачанная шина: воздух не проходил сквозь спазмированную голосовую щель.

— Релаксанты короткого действия в вену! Лично проведу интубацию!

Каталку вкатили под форсунки дезактивационного душа. С потолка ударили тугие струи теплой воды с мылом. На мне срезали одежду, и в ту же секунду дежурный токсиколог Колычев схватил десятилитровый баллон:

— Лей спирт! Изопропил свяжет углеводородный радикал!

— Стой! — рывкнул Платон, перехватывая его руку так, что пластик затрещал. — Изопропил увеличит трансдермальное всасывание втрое! Сожжем кожу и добьем почки! Только двухпроцентный гидрокарбонат натрия!

Вода со щелочью коснулась моей шеи и плеч — и кожа мгновенно закипела густой белесой пеной с шипением, подтверждая распад фторэфирных связей. Платон сам направлял струю, смывая яд с моих волос и плеч, не обращая внимания на брызги, летевшие на его собственный халат.

Нас вкатили в зал токсикореанимации номер один. Меня перебросили на функциональную койку; на соседней уже хрипел дядя Миша. Вслед за нами санитары подкатили еще одного аппаратчика, привезенного скорой с комбината. Его уложили на третью койку. Кривая кардиомонитора дяди Миши падала: тридцать два... двадцать восемь ударов в минуту.

— Атропин не держит! — крикнула старшая медсестра Рита. — Холинорецепторы залиты ядом!

Платон схватил со столика ампулу дипироксима — стандартного антидота. Десятикубовый шприц наполнился прозрачным раствором.

Я лежала на простыне, но мой мозг биохимика работал с беспощадной ясностью. Внутри взметнулась волна ужаса: я знала молекулярную формулу «Фосфорокс-7»! Оксимы вступят с ним в реакцию, образовав фосфорилированный оксим — токсин в двадцать раз более ядовитый, чем исходный яд!

Преодолевая окоченение, я вскинула руку и впилась ногтями в голое предплечье Платона:

— Стой... Не дипироксим!.. Это олигомер с третичным углеродом... Оксимы разорвут альвеолы... Отек легких начнется через три минуты!..

Платон застыл. Игла шприца замерла в миллиметре от инфузионного порта.

В ту же секунду с соседней койки, где интерн успел ввести дяде Мише пробный миллилитр дипироксима, раздался kloкочущий хрип. Из интубационной трубки бригадира фонтаном ударила розовая пена.

— Отек легких! — вскрикнула Рита.

Лицо Платона окаменело. Одним движением он швырнул шприц в лоток для отходов:

— Отставить оксимы! Лазикс сорок внутривенно дяде Мише, санация трахеи на максимальном вакууме! Она права... Господи, она права!

Он повернулся ко мне. В канюле моя кровь имела жуткий, черно-вишневый лаковый оттенок. Массивный гемолиз. Токсин разрушал мембраны эритроцитов, выбрасывая свободный гемоглобин в плазму.

— Свободный гемоглобин забьет почечные каналы через сорок минут, — чеканил Платон. — Рита, четыре дозы отмытых эритроцитов четвертой отрицательной! Срочно со станции переливания!

— Станция ответила: четвертой отрицательной нет ни дозы, — голос Риты дрожал. — Доставка с окружного склада — не раньше чем через три часа!

— Кровь не поможет... — я попыталась покачать головой, закусывая губу до солоноватой крови. — Свободный белок и фосфонаты вычистит только сорбция. В кейсе... «Сорб-Тета». Мезопористый углерод... пятнадцать нанометров. Они заберут молекулу целиком... вместе с гемоглобином...

Платон посмотрел на титановый чемодан:

— Рита! Вскрывай кейс! Собираем экстракорпоральный контур на «Мультифилтрате»! Старшая медсестра застыла, заслоня консоль аппарата спиной:

— Платон Андреевич, побойтесь Бога! На колонках номера нацарапаны гравером! Нет сертификата Росздравнадзора, нет клинического допуска! Если пациентка погибнет на экспериментальном сорбенте — это статья двести тридцать восьмая, до десяти лет лагерей! Я не подключу магистрали под свою подпись!

— Я подключаю под свою, — отрезал Платон, шагнув к ней вплотную. — Жизненные показания. Оформляю протокол личной ответственности.

Я вытянула из бокового кармана кейса синюю папку с гербовой печатью:

— Здесь... доклинические испытания на приматах. Сорбционная емкость триста миллиграммов на грамм... Но буфер... буфер защелачивать гидрокарбонатом строго до pH семь и шесть! Иначе кислая среда склеит поры...

Платон выхватил протокол, прочитал мое имя на первой странице, мазнул взглядом по графикам и повернулся к медсестре:

— Рита, гидрокарбонат в контур, pH семь и шесть. Выполнять!

В эту секунду тяжелые двери шлюза с грохотом распахнулись. В зал влетел заместитель начальника горздрава Салтыков в расстегнутом халате поверх костюма:

— Северьянов! Ты что здесь устроил?! Мне звонила служба безопасности комбината! Никаких опытов! Запереть кейс, больных перевести на стандартный физраствор, я вызываю следственную группу!

Платон шагнул навстречу, оттесняя чиновника за порог бокса.

— На заводе рванул неучтенный фосфорорганический олигомер, — голос Платона вибрировал ледяной силой. — Без этого сорбента через час у нас будет два трупа. Здесь режимная зона химического заражения. Вы нарушаете регламент биологической безопасности.

Он вытолкнул чиновника за порог и повернул задвижку ригельного замка. Салтыков заколотил кулаками в бронированное стекло, но Платон даже не обернулся.

— Давление семьдесят на сорок! — крикнула Рита. — Периферические вены спались в жгут!

— Нужен центральный доступ. Двенадцать френчей во внутреннюю яремную, — Платон схватил датчик УЗИ и прижал его к моей шее.

Экран взорвался снежной рябью. Помехи от вентиляции дезактивационного бокса напрочь забили сигнал; сосудистый пучок расплывался серым пятном.

— Слепой экран, — пробормотал Платон, отбрасывая датчик.

— Нельзя вслепую! — ахнула Рита. — Сонную артерию прошьете, гематома шеи убьет ее за две минуты!

— У нее нет двух минут.

Его пальцы, пахнущие спиртом и йодопионом, легли на правую сторону моей шеи. Он нащупал край кивательной мышцы, осторожно отодвинул сонную артерию медиально, фиксируя ее пульсацию подушечками пальцев.

— Дина, не дыши. Секунду. Только не дергайся.

Игла 18G вошла в кожу под углом сорок пять градусов. Мягкое, плавное движение. Поршень шприца пошел на себя — и в прозрачный цилиндр густой струей хлынула темная, лаковая кровь.

— Есть вена, — выдохнул он.

Металлический проводник J-типа скользнул внутрь вены. Платон расширил канал дилататором, завел толстый двухпросветный катетер и зафиксировал его шелковыми швами к коже:

— Магистраль к катетеру! Пуск насоса!

Роликовый насос «Мультифилтрат» загудел. Бордовая кровь побежала по трубкам, заполняя цилиндр «Сорб-Тета», плотно набитый черными сверкающими микрогранулами.

— Скорость сто восемьдесят миллилитров в минуту.

Через тридцать секунд манометр артериальной магистральки взлетел вверх: стрелка скакнула до двухсот сорока миллиметров ртутного столба. Аппарат залился тревожным писком. Обломки эритроцитов забивали микросетку префилтра.

— Гепарин, пять тысяч единиц болюсом в артериальный порт! Промывка теплым физраствором! — Платон лично ввел раствор из шприца.

Давление плавно опустилось до ста сорока. Кровь ровной ламинарной волной пошла сквозь угольный слой. И на выходе из колонки, в венозной ловушке, произошло чудо: очищенная кровь возвращалась в мое тело прозрачной, алой, живой!

Но нанопоры связывали ядовитые молекулы с такой яростной силой, что поликарбонатный корпус картриджа начал стремительно разогреваться: на встроенном датчике загорелись цифры: 39... 41... 41,5 °C!

— Колонка греется! — крикнула Рита. — Экзотермический пик! Белки плазмы сейчас свернутся прямо в картридже!

Я приподняла отяжелевшую голову:

— Снижай скорость... до ста сорока... Обложите цилиндр льдом... Держите строго тридцать шесть и четыре!..

Платон и Рита сорвали из морозильника пакеты со льдом, обматывая горячий пластик стерильными салфетками с криогелем. Температура стабилизировалась. На мониторе спектрофотометра концентрация яда на выходе рухнула на семьдесят восемь процентов.

Мое дыхание выравнивалось. Воздух наконец-то проникал в альвеолы. Но на четырнадцатой минуте перфузии наступил кризис, которого я боялась больше всего на свете.

Вымывание токсина из мышечных депо вызвало катастрофический электролитный сдвиг. Калий в сыворотке обвалился.

Кардиомонитор надо мной взвыл пронзительным, смертным воем. Ровный синусовый ритм внезапно рассыпался на зубатые пики тахикардии с частотой двести сорок в минуту — и в следующую долю секунды перешел в мелкую, трепещущую зыбь фибрилляции желудочков.

Сердце перестало качать кровь. Свет в глазах погас, словно выключили рубильник. Наступила ледяная тишина клинической смерти.

Глава 3

Позже Рита рассказала мне, как Платон запрыгнул на подножку кровати и обрушил кулак точно в центр грудины — прекардиальный удар не завел замерший миокард.

— Дефибриллятор! Двести джоулей! — повторила она его команду, и я словно услышала его сорванный голос. — Набрать заряд!

Она рассказала, как готовила электроды, пока Платон считал секунды.

— Всем отойти от кровати! Разряд!

Тяжелый удар тока выгнул мое тело дугой над матрасом. Но на зеленом экране на три бесконечные секунды повисла абсолютно прямая, безжизненная линия.

— Триста джоулей! — кричала Рита.

— Нет времени! — Платон сцепил пальцы в замок и навалился всей мощностью своего тела на мою грудь, начиная непрерывную сердечно-легочную реанимацию.

— Раз, два, три, четыре... Дыши! — выбивал он сквозь зубы с каждым толчком. — Дыши, слышишь меня?! Не смей умирать! Ты нужна мне! Живи!

Рита вспоминала, как пот капал с его лица мне на щеку; врачебный счет то и дело сбивался на мое имя.

На шестом цикле компрессий в глубине моей груди словно лопнула упругая пружина. Мощный толчок отдался под его ладонями. На мониторе дрогнул зубец Р, взметнулся высокий зубец R, сложился четкий комплекс QRS. Пульс восемьдесят два. Давление сто десять на семьдесят.

Я сделала глубокий, всхлипывающий вдох, втягивая воздух всей поверхностью расправившихся легких, и распахнула глаза.

Прямо надо мной было лицо Платона — бледное, с влажными висками и темными кругами под глазами. Мои пальцы сами нашли его предплечье и крепко вцепились в мокрый рукав.

Я посмотрела вверх его плеча на экран спектрофотометра, где горела зеленая цифра клиренса, и хриплым, слабым, но абсолютно осмысленным шепотом произнесла:

— Пик... сорбирован. Мы удержали калий...

Платон застыл. В его темных глазах плеснуло ошеломленное, нечеловеческое облегчение. Он тяжело выдохнул, опустил лоб на край моей подушки, не разжимая пальцев, державших мою руку, и тихо рассмеялся:

— Сумасшедшая... Ты только что вернулась с того света. Молчи.

— Нельзя молчать, — я сдернула кислородную маску к подбородку, сжимая его ладонь. — Дядя Миша... и второй рабочий. Они уходят.

На соседней койке пульс бригадира снова падал. Два оставшихся картриджа в кейсе лежали нетронутыми: врачи боялись подключать их, не зная кинетики элюирования.

— Дай маркер, — потребовала я, приподнимаясь на локте.

Платон достал хирургический маркер. Я перехватила его пальцы своими и направила их на стеклянную стену бокса:

— Пиши прямо на стекле! Формула: «Фосфорокс-7» — бифункциональный фторметилфосфонат, молекулярная масса триста сорок два и пятнадцать сотых. Да. Параметры нашего сорбента «Сорб-Тета»: диаметр мезопор пятнадцать нанометров, емкость триста миллиграммов на грамм. Чтобы спасти дядю Мишу и второго рабочего, промойте их картриджи пятипроцентным гидрокарбонатом при буфере pH семь и шесть за три минуты до пуска крови! Это раскроет заблокированные поры!

Платон четко вывел каждую букву и цифру на стекле:

— Рита! Промывка по схеме Дины!

Через сорок минут одновременной перфузии двух аппаратов дядя Миша пошевелился, тяжело кашлянул и открыл мутные, но уже живые глаза.

— Диночка... дочка... жива? — прохрипел он в тишине палаты.

Второй аппаратчик самостоятельно сжал пальцы дежурного фельдшера. Угольные нанопоры вычистили кровь рабочих.

Платон перевел дыхание, бросил взгляд на сводную световую панель реанимационного зала и громко скомандовал дежурным ординаторам:

— Остальные четырнадцать пострадавших аппаратчиков вдохнули меньшую концентрацию паров, альвеолярного блока у них нет. Ведем их на инфузионной терапии: форсированный диурез с четырехпроцентным гидрокарбонатом натрия, реополиглюкин и антиоксидантный комплекс каждые три часа! А наши три опытных картриджа «Сорб-Тета» спасли терминальных — тех, кто принял на себя первый прямой удар из сорванного фланца.

В половине второго ночи из смежного отсека санпропускника донесся оглушительный грохот железа, звон разбитого стекла и дикий вопль.

— Слава! Держите его! — кричали из коридора.

Двадцатилетний стажер цеха впал в тяжелейший токсический делирий. Галлюцинации и бред превратили парня в безумца: забаррикадировав дверь шлюза металлической каталкой, он схватил пятилитровую бутылку с концентрированным аммиаком и занес ее над оптическим моноблоком новейшего лазерного спектрофотометра:

— Не подходите, шпионы! Всех взорву!

— Он разобьет прибор, — крикнул фельдшер. — И сам погибнет!

Платон рванулся к переговорному устройству:

— Слава, смирно! Смотреть на меня! Назови номер цеха!

Парень вздрогнул от властного голоса, но в панике швырнул бутылку в стену. Стекло брызнуло во все стороны, аммиак мгновенно вскипел удушливым белым туманом, заполняя герметичный бокс. Парень упал на четвереньки, раздирая горло ногтями.

— Вентиляция не тянет! — Рита в панике щелкала тумблерами.

Преодолевая слабость, я дотянулась до настенной панели управления шлюзом, сорвала свинцовую пломбу и повернула переключатель на четвертый сектор — аварийный вакуумный отсос специфической колонны.

Турбины взвыли на пределе мощности. Потолочные жалюзи распахнулись, и гигантский вакуумный поток за пятнадцать секунд буквально высосал едкое белое облако в фильтры-поглотители.

Платон нажал кнопку деблокировки замка, переговорное окно распахнулось. Слава забился в угол, сжимая в руке острый стальной обломок ножки штатива:

— Убью!.. Не подходи!

Я пододвинула к себе микрофон селектора. На заводе Слава не раз рассказывал мне о маме и ее пирогах; теперь я цеплялась за эту память, стараясь вернуть ему хоть что-то знакомое. Я заговорила ласково, вкладывая в голос всю теплоту:

— Славик... Мальчик мой, послушай меня. Дядя Миша жив. Он здесь, рядом, в соседней палате. Он ждет тебя. А мама твоя, Валентина Петровна... помнишь? Она пироги печет, дома тебя ждет. Брось железяку, Славик. Мы свои. Мы поможем.

Парень замер. В расширенных зрачках промелькнула искра памяти. Пальцы дрогнули — и металлический прут со звоном упал на кафедру.

В ту же секунду Платон шагнул через порог. Слава снова зарычал и бросился на него. Платон мягко ушел с линии атаки, подсек опорную ногу стажера зацепом изнутри и плавно уложил его на резиновый мат, блокируя плечевой пояс. Санитары моментально накинули мягкие фланелевые манжеты на запястья.

— Десять миллиграммов галоперидола внутримышечно! — крикнул дежурный интерн.

— Стой! — мой голос через интерком прозвучал резко. — На фоне блокады холинэстеразы галоперидол вызовет злокачественный нейролептический синдром и температуру сорок один! Он погибнет от отека мозга! Только диазепам десять миллиграммов с магнием и тиопентином внутривенно капельно! Медленно!

Платон кивнул Рите:

— Делать в точности так, как говорит Дина Андреевна.

Через десять минут медленной инфузии судороги утихли. Дыхание парня стало чистым, и он погрузился в спасительный терапевтический сон.

Кризис был ликвидирован полностью.

К четырем часам утра отделение токсикореанимации погрузилось в кристальную, благоговейную тишину, нарушаемую лишь мерным шелестом дыхательных контуров и тихим писком кардиомониторов. Все шестнадцать пострадавших рабочих, включая стажера Славу, были стабильны. Ни одной потери.

Платон лично промыл мой двухпросветный яремный катетер гепариновым замком, закрутил стерильные заглушки и наложил аккуратную асептическую повязку. Его пальцы касались моей шеи с бесконечной, трепетной осторожностью.

Три отработанных картриджа лежали на стерильном столе. Из первого, спасшего меня, Платон шприцем аккуратно отобрал в стеклянный флакон пятьдесят миллилитров концентрированного элюата с ядом — вещественное доказательство для судебной масс-спектрометрии.

Затем он пододвинул низкий табурет к самому изголовью моей кровати, сел и осторожно взял мою ослабевшую ладонь в свои теплые руки.

— Все закончилось, Дина, — произнес он негромко. В его голосе звенела глухая усталость и глубокая, чистая нежность. — Твой сорбент сотворил невозможное. Ты спасла их всех. И меня спасла.

— Мы спасли, — тихо ответила я, чувствуя, как по щеке катится теплая слеза облегчения. — Без твоих рук я бы умерла на пандусе.

— Я никому не дам тебя в обиду, — он бережно укрыл мои плечи одеялом и переплел свои пальцы с моими. — Спи. Я буду сидеть здесь до самого утра.

Я закрыла глаза, впервые за долгие месяцы чувствуя себя в абсолютной, несокрушимой безопасности.

А за высоким панорамным окном над черными контурами заводских труб уже разгоралась тонкая, нежная розовая полоса весеннего рассвета.

Глава 4

Утро в ординаторской токсикологии просачивалось сквозь деревянные жалюзи тонкими золотистыми полосами, ложась на темный паркет теплыми янтарными мазками. В тишине высокого кабинета пахло старой бумагой медицинских энциклопедий, сухим эвкалиптом и свежесваренными травами.

Я открыла глаза, еще не понимая, где нахожусь.

Первым чувством был страх: тупое ноющее ощущение под правой ключицей и фантомный гул заводских сирен заставили меня в панике рвануться вверх с широкого кожаного дивана. Мне показалось, что меня все еще удерживают на бетонной площадке цеха номер четыре.

Но мышцы бедер и икры тут же свело жесткой токсической миопатией. Ноги превратились в вату, колени подломились, и меня качнуло назад. Я упала спиной на мягкие подушки, инстинктивно сжавшись, готовая к удару.

Однако падение оказалось мягким. Со всех сторон под мои бока был бережно и плотно подоткнут тяжелый шотландский плед из овечьей шерсти — настоящее теплое гнездо, укрывавшее от любого сквозняка. Боль отступила, уступая место сухому, обволакивающему покою.

Пальцы взметнулись к правой стороне шеи. Нащупав тугой марлевый валик, я зацепила ногтями край пластыря, испугавшись, что толстый яремный катетер тромбирует вену.

— Не трогай, Дина.

Широкая, сухая и удивительно теплая мужская ладонь мягко, но несокрушимо накрыла мое запястье, перехватывая пальцы.

Платон сидел на самом краю дивана в расстегнутом темно-синем хирургическом халате поверх черной футболки. Его пальцы бережно разжали мою ладонь.

— Катетер я снял еще в пять утра, — произнес он негромко, и его бархатный, утренний голос отозвался во мне странной волной спокойствия. — Просвет вены свободен, кровотока ничто не нарушает. Посмотри сама.

Я скосила глаза в настенное зеркало книжного шкафа. На шее вместо грубого шва темнела аккуратная, крошечная точка под тонкой прозрачной пленкой. Филигранная работа хирурга, ювелирная точность.

Я попыталась сказать «спасибо», но спазм диафрагмы перехватил дыхание: блуждающий нерв, раздраженный вчерашним ядом, ответил жгучей волной рефлюкса. К горлу подкатила тошнота.

Платон не суеился. Он взял со столика белую фарфоровую пиалу, от которой поднимался ароматный пар, левой рукой осторожно приподнял мои плечи, прижимая мою спину к своей твердой груди, а правой поднес край чаши к моим губам:

— Пей маленькими глотками. Здесь отвар шиповника, чабреца и алтайского липового меда. Никакой химии.

Я сделала первый глоток. Горячий, терпкий настой прокатился по пищеводу, и спазм диафрагмы мгновенно растаял, словно ком снега на огне. В желудке разлилось благодатное тепло, дыхание выровнялось. Опираясь на его плечо, я ощутила, насколько он силен и как надежно держит меня, не позволяя соскользнуть.

Платон помог мне сесть удобнее, подложив плотный валик под спину, и опустил в кресло напротив, открывая рабочий блокнот:

— Кинетика твоего картриджа феноменальна, Дина. Ни один сорбент в мире не связывает фторорганику с такой избирательностью. Расскажи мне химическую природу матрицы. Как ты модифицировала мезопоры?

Внутри меня моментально сработал многолетний рефлекс самозащиты. Горький опыт аспирантуры встал перед глазами: улыбающиеся академики, крадущие графики диссертаций, начальники лабораторий, оформляющие чужие патенты на родственников. Я окаменела, сжала пальцы на одеяле и опустила глаза, уходя в глухую оборону.

Платон замолчал. Он мгновенно прочитал мой жест.

Поднявшись, он молча подошел к сейфу, достал из металлического нутра гербовый бланк заявки на изобретение Федерального института промышленной собственности и положил его передо мной вместе с тяжелой перьевой ручкой.

— Я практикующий врач-реаниматолог, Дина, — произнес он, глядя мне прямо в глаза с кристальной честностью. — Мне не нужны чужие лавры. Впиши свое имя в графу автора прямо сейчас. Я распишусь как соруководитель клинической апробации только там, где ты сама укажешь. Твоя формула принадлежит только тебе.

Моя внутренняя броня дала трещину.

Я вспомнила, как профессор Заславский три года назад вызвал меня в кабинет, швырнул приказ об отчислении и заявил, что мой патент уже переписан на холдинг Ветлугина, а мне лучше «забыть дорогу в науку». В горле встал горький ком. Слезы — горячие, злые — обожгли веки и покатались по щекам. Я отвернулась, пряча лицо в ладонях и беззвучно сотрясаясь от плача, ненавидя себя за эту слабость. Слова о Заславском вырывались сквозь слезы; Платон слушал, не перебивая.

Платон не стал говорить пустых слов.

Он опустился на одно колено прямо на паркет перед диваном. Его сильные пальцы мягко отвели мои ладони от лица, и он подушечкой большого пальца бережно стер мокрую дорожку с моей щеки:

— Здесь воров нет, Дина. Заславский — трус и подлец. Но вчера ночью ты спасла шестнадцать человек, спасла меня и спасла себя. Пока я жив, никто в этом городе больше не посмеет тронуть ни тебя, ни твою работу.

Он достал из кармана и вложил в мою раскрытую ладонь тяжелый металлический брелок с синим чипом:

— Это мастер-ключ от экспресс-лаборатории спектрометрии и глубинного криохранилища. Полный допуск. Ты здесь хозяйка.

Я попыталась встать, чтобы справиться с волнением, но едва босые ступни коснулись холодного паркета, как резкий ортостатический перепад давления обрушил зрение: перед глазами вспыхнула серая пелена с искрами, пол предательски ушел вниз.

Платон среагировал молниеносно. Подхватив меня под лопатки и колени, он легко приподнял меня над полом и ногой распахнул створки застекленной двери, вынося на веранду зимнего сада клиники.

Хрустальный, прохладный воздух, напоенный влажным ароматом цветущих лимонов, монстер и фикусов, омыл лицо. Платон опустил меня в широкое плетеное кресло из ротанга, снова укутав шерстяным пледом. Головокружение отступило за секунды, мозг наполнился чистым кислородом.

— Дыши садом, — улыбнулся он, протягивая чашку с настоем Melissa.

Рита принесла мои документы и телефон: герметичный внутренний пакет уцелел, его обработали в санпропускнике. Я едва успела взять аппарат, как он завибрировал. На него поступил звонок. На экране горело: «Номер не определен».

Я нажала прием. В динамике захрипел наглый бас начальника службы безопасности комбината Копылова:

— Слушай сюда, Савельева. Ты вчера угнала казенный уазик и сперла заводские материалы. Если через час не будешь на КПП с пробами — твоя однушка на набережной случайно сгорит вместе со всеми твоими архивами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.